

Правовое регулирование цифровой валюты в иностранном законодательстве

М. А. Волкова

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права
Университета «Синергия».

Адрес: НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Москва, Ленинградский пр-т, д. 80, к. «Г».
E-mail: mvolkova2013@bk.ru

И. В. Макеева

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет».
Адрес: ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»,
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 78.
E-mail: makeevainna2011@yandex.ru

Legal Regulation of Digital Currency in Foreign Legislation

M. A. Volkova

PhD in History, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines and Digital Law
of MFIU Synergy.
Address: Moscow University for Industry and Finance “Synergy”,
Build. “G” 80 Leningradsky Avenue, Moscow, 125190, Russian Federation.
E-mail: mvolkova2013@bk.ru

I. V. Makeeva

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of RTU MIREA.
Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“MIREA – Russian Technological University”,
78 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.
E-mail: makeevainna2011@yandex.ru

Поступила: 15.02.2025 Принята к печати: 01.03.2025

Аннотация

Проведенный в статье анализ правового регулирования цифровых валют показывает разнообразие подходов различных юрисдикций к определению их правовой природы и принципов включения в имущественный оборот. Таким образом, мировое сообщество демонстрирует широкий спектр подходов к регулированию криптовалют – от полной легализации до полного запрета, при этом наиболее прогрессивные правовые системы стремятся найти баланс между инновациями и регулированием для обеспечения устойчивого развития финансового сектора. При проведении исследования особое внимание уделяется соблюдению принципа объективности и системному анализу изучаемых явлений, что позволяет получить достоверные результаты и сформировать обоснованные выводы о состоянии и перспективах развития правового регулирования цифровых валют в различных юрисдикциях. Для анализа нормативно-правовых актов использовался формально-юридический метод; сравнительно-правовой метод применялся при изучении зарубежного опыта. По результатам исследования сделан вывод о невозможности унификации международного законодательства в сфере обращения цифровых валют в связи с отсутствием устоявшихся моделей их правового регулирования в большинстве государств. В современных условиях наиболее перспективным представляется развитие гибкого регулирования, позволяющего адаптироваться к

быстро меняющимся технологическим реалиям при сохранении необходимого уровня контроля за финансовыми потоками.

Ключевые слова: криптовалюта, оборот криптовалюты, цифровая валюта, оборот цифровой валюты, фиатные деньги, электронное средство платежа.

Abstract

The analysis of the legal regulation of digital currencies carried out in the article shows the variety of approaches of different jurisdictions to determining their legal nature and principles of inclusion in property turnover. Thus, the global community demonstrates a wide range of approaches to regulating cryptocurrencies, from full legalization to complete prohibition, while the most progressive legal systems strive to find a balance between innovation and regulation to ensure the sustainable development of the financial sector. During the research, special attention is paid to observing the principle of objectivity and a systematic analysis of the phenomena under study, which allows us to obtain reliable results and form informed conclusions about the state and prospects for the development of legal regulation of digital currencies in various jurisdictions. The formal legal method was used to analyze normative legal acts; the comparative legal method was used in the study of foreign experience. Based on the results of the study, it was concluded that it is impossible to unify international legislation in the field of digital currency circulation, due to the lack of well-established models of legal regulation in most countries. In modern conditions, the most promising is the development of flexible regulation, which makes it possible to adapt to rapidly changing technological realities while maintaining the necessary level of control over financial flows.

Keywords: cryptocurrency, cryptocurrency turnover, digital currency, digital currency turnover, fiat money, electronic means of payment.

По мере развития и популяризации цифровых валют (криптовалют) возникла объективная потребность в их правовой квалификации и унификации их правового регулирования. На сегодняшний момент в юридической науке определение правовой природы криптовалюты представляет значительную сложность ввиду ее неоднозначной классификации. Практические сложности возникают не только с точки зрения ее юридической квалификации, но также в технологической и финансовой плоскостях. Так, законодательство различных стран регулирует как фиатные цифровые валюты, выпускаемые центральными государственными банками (например, цифровой рубль, эмитируемый Банком России), так и нефиатные, в отношении которых в основном и употребляется термин «криптовалюта».

Различные цифровые валюты могут иметь отличные от других механизмы функционирования и особенности правового режима, что вызывает сложности унификации международного правового регулирования. Некоторые криптовалюты могут выступать скорее как токены, предоставляющие доступ к определенным сервисам или платформам, чем как средства обмена. Это приводит к необходимости проведения более детального анализа каждой криптовалюты и выяснения, подходит ли она под формальное юридическое определение цифровой валюты, предложенное в законодательстве.

Ключевые вопросы правового регулирования цифровых валют, требующие комплексного решения, включают в себя следующие позиции:

1) квалификация криптовалют на базе технологии блокчейн (например, биткойна) как платежного средства (валюты) в соответствии с действующим законодательством;

2) альтернативная квалификация криптовалют как имущества, вещи, имущественного (цифрового) права или программного обеспечения при отсутствии их признания в качестве платежного средства (валюты);

3) регламентация эмиссии (майнинга) цифровых валют и установление требований к их налогообложению;

4) порядок учета транзакций с использованием цифровых валют;

5) противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, учитывая децентрализованный характер криптовалютных систем [1. – С. 26].

При этом следует учитывать транснациональный характер цифровой валюты, характерный для всех объектов цифровых правоотношений. Однако в отношении криптовалюты различия правового регулирования зависят не только от особенностей национальной правовой системы, но и от подхода государства к решению вопроса о принципиальной возможности ее легализации.

В доктрине существует позиция о возможности признания распределенных реестров (DLT)

объектом права собственности [6. – Р. 105], которая поддерживается рядом современных российских исследователей. Так, А. В. Саженов предлагает считать цифровую валюту бестелесной вещью [5. – С. 109], проводя при этом аналогии с регулированием схожего объекта – токена – в законодательстве Беларуси: согласно пункту 3 Приложения № 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», цифровой знак (токен) принадлежит субъектам на праве собственности или на ином вещном праве. Л. Г. Ефимова предлагает ввести категорию «цифровое имущество», которое может становиться объектом относительных и абсолютных цифровых прав, не имея при этом материальной формы, характерной для вещей [2. – С. 31].

Эта позиция нашла отражение в законодательстве Новой Зеландии. Так, согласно решению Высокого суда Зеландии по делу «Руско против Cryptopia», криптовалюта была признана нематериальной личной собственностью. При вынесении решения суд руководствовался прецедентом, в качестве которого выступало дело «National Provincial Bank Ltd против Эйнсворта», которое было рассмотрено Палатой лордов и в котором были сформулированы следующие критерии признания объекта собственностью:

1) определенность и идентифицируемость объекта;

2) возможность признания объекта третьими сторонами;

3) наличие определенной степени постоянства или стабильности [8. – Р. 60–72].

Данный подход демонстрирует возможность признания криптовалют объектом права собственности при соблюдении определенных правовых критериев. На сегодняшний день существует четкая дифференциация подходов государств к регулированию криптовалют.

Самую немногочисленную группу представляет Сальвадор, который не только полностью легализовал криптовалюту в 2021 г., но и сделал ее второй государственной валютой наравне с песо. Так, по сообщениям РБК, общий объем крипторезервов Сальвадора достиг 5750 монет биткойна, или \$357 млн¹.

Схожую позицию занимают и Соединенные Штаты Америки, представляющие собой одну из первых стран, суд которой рассмотрел спор по вопросу сделок с виртуальной валютой в 2013 г. Согласно объяснению судьи из Техаса Амоса Мазанта, биткойн может использоваться в качестве электронных денег. На его условиях можно покупать товары или услуги. Его также можно обменивать на обычные деньги, такие как доллары. Таким образом, биткойн был признан одной из разновидностей валюты и средством инвестирования².

В июле 2014 г. Департамент финансовых услуг Нью-Йорка (DFS) представил революционный документ – проект регулирования виртуальной валюты. Это стало первым в мире всеобъемлющим нормативным актом, создающим полноценную правовую базу для работы с биткойном. В содержании документа можно выделить три основных направления правового регулирования: защита прав потребителей, противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, и установление требований к безопасности бизнеса.

Основные операции с криптовалютой требуют получения лицензии (BitLicense), за исключением операций майнинга, приобретения криптовалюты для личных нужд и принятия криптовалюты в качестве оплаты за товары, работы, услуги. Владельцы BitLicense обязаны проводить идентификацию всех пользователей, иметь обеспечительный резервный фонд, гарантировать безопасное хранение виртуальной валюты, разрабатывать и публиковать правила работы с владельцами криптовалюты, проходить аудит безопасности от DFS. Значение такого лицензирования заключается в том, что был создан прецедент государственного регулирования рынка криптовалют. Таким образом, система BitLicense стала важным шагом в развитии правового регулирования криптовалют, создав комплексную модель, учитывающую интересы всех участников рынка и обеспечивающую необходимый уровень функционирования.

Определенные шаги в направлении легализации цифровых валют можно наблюдать и в Грузии. Согласно Органическому закону о Национальном банке Грузии от 24 сентября 2009 г., в

¹ Власти Сальвадора добыли биткойны на \$30 млн на вулканической энергии. – URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/66447a7c9a79477ed6e8d1f4?from=copy>

² Lynch S. N. U.S. judge says SEC can pursue Bitcoin-related lawsuit. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-court-sec-bitcoin-idUSBRE97517G20130806>

2023 г. было введено определение конвертируемых виртуальных активов, под которое попадает и криптовалюта. Согласно пункту «я 16» статьи 2 упомянутого закона, конвертируемый виртуальный актив – это виртуальный актив, имеющий на рынке эквивалентную стоимость в национальной или иностранной валюте, другом виртуальном активе или (и) финансовом инструменте, в котором может осуществляться его обмен. Для легализации деятельности с виртуальными активами установлен регистрационный сбор в размере 5000 виртуальных лари. Для легальной работы с криптовалютами компании обязаны соответствовать строгим требованиям Национального банка Грузии и получить соответствующую лицензию.

Исследователи отмечают, что грузинская модель регулирования демонстрирует возможность эффективного контроля над криптовалютным сектором при сохранении его инновационного потенциала [7]. Создание безопасной среды для развития цифровых финансовых технологий способствует как защите участников рынка, так и стимулированию технологического прогресса.

Ко второй группе можно отнести страны, в которых допускается ограниченное использование цифровой валюты в расчетах. При этом можно выделить два способа ограничений ее использования в обороте. Одним из вариантов является путь, по которому пошли Россия и Китай. Изначально в Китае биткойн тоже рассматривался как виртуальная валюта, а Центральный банк Китая толерантно относился к биткойну. Например, согласно отчету государственного налогового управления Китая за 2009 г., виртуальная прибыль от торговли цифровой валютой облагалась подоходным налогом.

Но в декабре 2013 г. Центральный банк Китая опубликовал указание на то, что биткойн не является законным платежом. Согласно этому документу, биткойн не является валютой по своей сути, не может использоваться в обороте, однако при этом рассматривается как виртуальный товар. Пользователи биткойна «могут покупать и продавать биткойны только с учетом связанных с ними рисков», в то время как финансовым и платежным учреждениям запрещено совершать какие-либо операции с биткойнами [9]. Операторы, совершающие сделки с криптовалютой и учитывающие права на нее (криптовбиржи), обязаны регистрироваться в телекоммуникационном бюро и соблюдать законодательство, направленное на

противодействие легализации доходов, полученных преступным путем.

Правовая политика Китая в отношении криптовалют определяется Народным банком Китая. При его участии в 2018 г. Китайская комиссия по регулированию банковской деятельности и страхования выпустила рекомендации, согласно которым криптовалюта может считаться законным электронным средством платежа, если она выпускается Народным банком Китая. Такая цифровая валюта (по аналогии с цифровым рублем) имеет такие же характеристики, как реальные фиатные деньги.

Таким образом, Китай, как и Россия, демонстрирует уникальный подход к регулированию криптовалют, сочетающий элементы запрета частных криптовалют с развитием государственной цифровой валюты, что отражает стремление к контролю над финансовым сектором при поддержке технологических инноваций под государственным управлением.

Достаточно распространенным является другой подход к ограничению использования цифровых валют в обороте. Он практикуется в Японии, где в соответствии с Законом о налоговых службах криптовалюта квалифицируется как имущественный актив, который может использоваться неопределенным кругом лиц в качестве средства платежа за товары и услуги. При этом право на осуществление операций по обмену криптовалют предоставляется только зарегистрированным в налоговых органах бизнес-операторам.

Компании, осуществляющие сделки с криптовалютой, должны соответствовать следующим требованиям:

- быть акционерным обществом;
- иметь постоянное представительство в Японии;
- располагать офисом на территории страны.

Схожая модель правового регулирования используется и в странах СНГ, например, в Беларуси и Казахстане, где сделки с цифровыми валютами могут совершать только организации, зарегистрированные на определенной территории (Парк высоких технологий в Беларуси и ее аналог – Парк инновационных технологий в специальной экономической зоне Казахстана).

Австралия демонстрирует прогрессивный и гибкий подход к регулированию криптовалют, основанный на принципах саморегулирования и минимального вмешательства государства в рынок. В стране цифровая валюта признана элек-

тронной валютой, однако не получила статус фиатного платежного средства. Такой подход позволяет рассматривать криптовалюты как инновационный инструмент, не подпадающий под традиционное банковское регулирование.

Одной из ключевых особенностей австралийского регулирования является отсутствие обязательного лицензирования для большинства операций с криптовалютами. Лицензию необходимо получать только в случаях, когда деятельность включает операции с фиатными деньгами, что логично, поскольку такие операции затрагивают традиционную финансовую систему.

Важную роль в регулировании криптовалютного сектора играет Австралийская ассоциация цифровых валют и торговли. Под ее эгидой был разработан Кодекс индустрии электронных валют – документ, определяющий основные стандарты и правила ведения бизнеса в сфере криптовалют.

Примечательно, что стандарты ведения криптовалютного бизнеса в Австралии имеют особый характер применения. Они обязательны только для компаний, являющихся членами ассоциации, что отражает принцип саморегулирования отрасли.

В результате Австралия создала уникальную модель регулирования криптовалютного сектора, основанную на принципах саморегулирования и минимального государственного вмешательства. Такой подход к регулированию демонстрирует, что эффективное управление криптовалютным

сектором возможно без чрезмерного государственного вмешательства, при условии создания правильной системы саморегулирования и четкого определения правового статуса цифровых активов.

Схожая модель правового регулирования использована в Бразилии и Аргентине. По мнению Бразильской комиссии по ценным бумагам и биржам (CVM), криптовалюта признается электронной валютой, но не финансовым активом. При этом цифровые валюты могут рассматриваться как ценные бумаги только при наличии особых признаков: если они дают право на получение дивидендов и предоставляют право голоса для управления компанией.

В Аргентине биткойн признается электронной валютой, однако изначально его правовой статус был ограничен конституцией страны, согласно которой только Центральный банк Аргентины имеет право на эмиссию цифровой валюты. Это позволяет активно использовать криптовалюты для проведения повседневных операций.

Таким образом, рассмотренные юрисдикции демонстрируют различные подходы к регулированию криптовалют, сочетающие элементы признания их правового статуса с определенными ограничениями и требованиями к осуществлению связанной с ними деятельности. Такая разница в моделях правового регулирования обуславливает объективную невозможность унификации оборота цифровой валюты на международном уровне на современном этапе.

Список литературы

1. Анисимова А. М., Волкова М. А. Перспективы развития российского законодательства в области регулирования цифрового рубля // Вестник академии права и управления. – 2023. – № 1 (71). – С. 26–29.
2. Ефимова Л. Г. Категория «цифровое имущество» в контексте доктринальных споров // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2004. – № 9. – С. 26–38.
3. Жужжалов М. Б. Блокчейн и международно-правовой режим деятельности в киберпространстве // Правоведение. – 2019. – № 1. – С. 62–96.
4. Румянцева М. О., Свечников В. А. Анализ правового регулирования оборота цифровых прав в Канаде // Экономика. Право. Общество. – 2022. – Т. 7. – № 4 (32). – С. 106–114.
5. Саженов А. В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. – 2018. – № 9. – С. 106–21.
6. Bayer D., Haber S., Stornetta S. How to time-stamp a digital document // Journal of Cryptology. – 1991. Vol. 3. – P. 99–111.
7. Chilachava M. The Role of Cryptocurrencies in Private Law and the General Framework for Their Regulation // Journal of Law. – 2023. – № 1. – P. 77–94.
8. Gomes F. M. D. N., Rocha T. M. V., Martins A. C. R., Correa B. L. Brazil // Virtual Currency Regulation Review. – London : Law Business Research, 2020. – P. 64–77.
9. Gong L., Yu L. China. Zhong Lun Law Firm // Blockchain & Cryptocurrency Regulation, 2019. – P. 261–266.